

из книги:

В.РОПШИН (Б.САВИНКОВ)

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. С. А. САВИНКОВА

ГОДЫ СКОРБИ.

(Воспоминания матери)

Журнал "Былое". Год первый, No 7. Июль 1906. Петербург, 1906.

2. НА ВОЛОС ОТ КАЗНИ

(Воспоминания матери)

Журнал "Былое". Год второй, No 1/13. Январь 1907. Петербург.

С. А. САВИНКОВА

ГОДЫ СКОРБИ.

(Воспоминания матери)

Журнал "Былое". Год первый, No 7. Июль 1906. Петербург, 1906

Я знаю, что эти воспоминания заставят меня вновь страдать и вновь переживать прошедшее, но ведь это жизнь не моя только, а многих... Не мне одной пришлось на самой себе испытать железную руку правительственного режима; таких, как я, несчастных матерей тысячи... И потому мой искренний рассказ может иметь некоторое значение... Иначе, какой интерес был бы в горестях одного из миллионов людей?

Первый гром для моей семьи грянул в 1897 году. До тех пор мы жили, как все тогда жили в провинции: без особых забот, без особых общественных интересов, без запросов... так себе, изо дня в день, как живут чиновники. Муж мой служил по министерству юстиции на западной окраине и получал хорошее содержание. Это был человек интеллигентный, чрезвычайно чуткий к справедливому и широкому толкованию законов, не видевший никакой разницы между евреем, русским и поляком, между интеллигентом и рабочим, между богачом и бедняком. Как судья, он очень скоро приобрел популярность среди запуганного населения этого края, и его и в глаза, и за глаза стали называть: "зацны сендзя", т. е. честный судья.

И действительно, за всю свою двадцатилетнюю службу в Западном крае он ни разу в своих решениях не покривил душой и не поддался воле начальства, за что также скоро среди сослуживцев приобрел славу человека неуживчивого и красного, что его, впрочем, несколько не огорчало.

Пока наши дети учились и подрастали, повторяю, в нашей жизни -- кроме обыденных забот о здоровье, благоустройствах и воспитании детей -- ничего особенного не было. Но вот наши два старшие сына отправились в Петербург -- один в Горный институт, другой в Университет, и тотчас же наша жизнь переломилась надвое: мирное существование стало областью прошедшего, и в жизнь ворвалась целая буря новых забот, тревог и волнений.

В Петербурге уже тогда начиналось брожение, окончившееся переживаемой нами революцией. Неудовлетворительность постановки высшего образования, стеснение учащейся молодежи в ее самых естественных порывах к общему благу, нелепая тирания, терзавшая нервы молодых людей, -- все давало обильную пищу для негодования юным сердцам. Тогда уже разразилась бурная история по поводу постановки памятника Муравьеву-Вешателю в Вильне. Я упомяну об ней лишь в нескольких словах. Затеянная высшей администрацией постановка в Вильне памятника Муравьеву, несмотря на свою громадную бестактность, быть может, и не имела бы больших последствий, если бы не недостойное